

КОД человечества

История культуры от первых рисунков
до цифровой эпохи

ИИ

Владимир Туманен

Владимир Туманец
Код человечества: История
культуры от первых
рисунков до цифровой эпохи

<https://litres.ru/74633408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему «нет, спасибо» иногда не означает отказ? Мы живём внутри невидимого кода — знаков, привычек и историй, которые помогают понимать друг друга.

«Код человечества» прослеживает, как этот код менялся: от жестов, ритуалов и первых рисунков — к мифам, письму и городам; от торговых путей и империй — к печатной книге, массовой культуре, экранам и алгоритмам. Это не лестница «от дикости к прогрессу», а история разных обществ, по-своему отвечавших на общие вопросы. Кто хранил память? Кто получал право её толковать? И как обмен идеями соседствовал с властью и неравенством?

Книга для тех, кто хочет видеть за привычными словами, образами и цифровыми лентами долгую историю культуры. Она поможет лучше понимать прошлое и настоящее — и замечать, как мы сами создаём общий мир.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Культура как код: знаки, нормы и коллективная память	6
До письменности: жест, ритуал и первые рисунки	16
Мир устного слова: миф, песня и передача опыта	27
Земледелие и священное: оседлая жизнь, календарь и общие обряды	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Туманец
Код человечества:
История культуры
от первых рисунков
до цифровой эпохи

Код человечества: История культуры от первых рисунков до цифровой эпохи

Владимир Туманец

Культура как код: знаки, нормы и коллективная память

На столе остывает суп. В комнате слышно, как за окном проходит трамвай, а на кухне тихо позвякивают ложки. Хозяйка спрашивает гостя:

— Добавки?

— Нет, спасибо, — отвечает он, отодвигая тарелку.

Хозяйка задерживает руку с половником. Потом все-таки наливает еще немного. Гость смотрит на нее с удивлением: разве его «нет» не было достаточно ясным? Хозяйка, в свою очередь, недоумевает: неужели она должна была оставить человека голодным только потому, что он из вежливости отказался от добавки?

Ни один из них не хотел обидеть другого. Но один услышал в предложении прямой вопрос и дал прямой ответ, а другой — привычный жест гостеприимства, который принято принять не сразу. Такая привычка есть в одних семьях и отсутствует в других; она может меняться от поколения к поколению и даже от одного стола к соседнему. Это не история о двух неизменных «национальных характерах». Это история о том, как повседневный поступок попадает в невидимую систему ожиданий.

Культура часто обнаруживает себя именно в такие мину-

ты. Не в музейной витрине с древней маской, а в короткой паузе над тарелкой. В словах «проходите», которые могут означать и приглашение войти, и вежливое начало разговора. В молчании, которое один считает уважительным, а другой — неловким. В свободном месте в очереди, в снятой у порога обуви, в том, кому первым подают руку.

Знак: вещь, жест, пауза

Знак — это не только буква, флаг или дорожный символ. Знаком может стать почти все, если люди научились связывать это с определенным смыслом: взгляд, одежда, положение тела, блюдо на столе, даже отсутствие ответа.

Некоторые знаки словно указывают на событие. Темные тучи предвещают дождь; пустая тарелка может говорить, что человек поел. Другие похожи на то, что обозначают: портрет напоминает лицо. А есть знаки, значение которых держится на общей договоренности. Красный сигнал светофора не похож на запрет, но участники движения знают, что он означает остановку. Обручальное кольцо — маленький предмет, смысл которого не заключен в металле: его создают обычаи, рассказы и отношения.

За столом «нет, спасибо» — знак, составленный из слов и интонации. Пустая тарелка может означать «я сыт», «мне понравилось», «я готов к добавке» или просто «я пока ем». Смысл не прикреплен к предмету, как ярлык к банке. Он возникает из ситуации и общих привычек участников.

Поэтому культурный код — не тайный шифр с однознач-

ным словарем. Скорее, это грамматика: она подсказывает, какие действия сочетаются, чего ждать дальше и как понимать отклонение. Но, как и в языке, правила не всегда одинаковы во всех семьях и группах. Один и тот же жест в разных обстоятельствах может значить противоположное, а общий смысл — измениться со временем.

Мы нередко замечаем код лишь тогда, когда он дает сбой. Пока все в очереди без слов понимают, кто за кем, очередь кажется просто скоплением людей. Стоит кому-то спросить «Кто последний?» — и становится видно, что порядок поддерживался не только положением тел, но и негласной договоренностью. В одном месте очередь обозначена талончиками; в другом люди запоминают, кто пришел раньше; в третьем тот, кто отошел, обязан сообщить соседям, что «занял». Ни один способ не является естественным законом. Каждый работает, пока участники распознают его правила.

Норма: ожидание, которое не всегда произносят

Знаки говорят нам, что происходит; нормы подсказывают, что следует делать. Норма — это разделяемое ожидание: как здороваться, когда уступать место, можно ли перебивать, сколько раз предложить угощение. Одни нормы записаны в законах и инструкциях. Другие живут в жестах, взглядах и коротких репликах: «Так не принято», «У нас сначала...», «Неудобно же».

Нормы упрощают совместную жизнь. Если водитель знает, что красный свет означает остановку, ему не приходится

каждый раз угадывать намерения остальных. Если гости понимают, что пальто оставляют в прихожей, а обувь снимают у порога, хозяину не нужно объяснять порядок каждому вошедшему. Общий сценарий экономит внимание: люди могут заниматься делом, не договариваясь заново о каждой мелочи.

Но норма не просто инструкция. За ней обычно стоит оценка: хорошо или плохо, вежливо или грубо, свое или чужое. Нарушение может вызвать не суд и штраф, а молчание, смех, укоризненный взгляд или исключение из разговора. Эти небольшие реакции — социальная обратная связь. Благодаря им ребенок постепенно понимает, что перебивать можно в одном споре и нельзя за семейным столом, а взрослый осваивает новую рабочую среду, наблюдая, как там просят о помощи или выражают несогласие.

Исследования детского развития показывают, что дети усваивают не только практический результат действия, но и его социальную форму: они могут копировать лишние, необязательные шаги, если видят, что взрослые выполняют их как часть привычного порядка. Это важное наблюдение: мы перенимаем не только то, что «работает», но и то, что обозначает принадлежность. Ритуальная последовательность иногда сохраняется даже тогда, когда ее исходная причина забыта.

Нормы, однако, не всегда ладят друг с другом. За столом могут столкнуться желание проявить заботу и обязанность

уважать отказ. В разговоре — стремление говорить прямо и ожидание смягчить неприятную правду. Между поколениями — привычка считать звонок знаком внимания и привычка считать сообщение достаточным. Когда человек нарушает норму, это не всегда означает, что он невежлив или безразличен. Возможно, он следует другому правилу или иначе оценивает ситуацию.

Ритуал: повторение, которое делает смысл видимым

Ритуал — это действие, повторяемое в узнаваемой форме и наделенное общим значением. Он не обязательно религиозен или торжественен. День рождения со свечами, рукопожатие после сделки, общая фотография в конце поездки, привычка ждать всех перед началом ужина — повседневные ритуалы тоже отмечают важное и связывают людей.

Ритуал помогает норме стать ощутимой. Можно сказать: «Мы — семья», но совместный ужин, повторяющийся каждую неделю, придает этим словам форму. Можно объявить: «Мы приветствуем новых сотрудников», но круг представлений и рукопожатий превращает объявление в действие. Ритуал задает порядок: кто начинает, кто отвечает, в какой момент все включаются. Благодаря повторению люди заранее знают, что делать, а незнакомец замечает, что здесь существует особый сценарий.

При этом ритуалы не неподвижны. Приветствие, которое прежде включало прикосновение, в период эпидемии могло

смениться кивком или жестом на расстоянии. Одни семьи перенесли праздничный ужин на видеосвязь, другие отказались от него, третьи создали новую традицию. Форма изменилась, но потребность отметить связь или событие сохранилась. Культура умеет не только повторять, но и изобретать.

Коллективная память: прошлое, которое присутствует за столом

Почему одни ритуалы кажутся нам значимыми, а другие — пустой формальностью? Часто за ними стоит память: не только о конкретном событии, но и о том, как группа рассказывает о себе.

Социолог Морис Хальбвакс обращал внимание на то, что память человека опирается на социальные рамки: мы вспоминаем через слова, образы и привычки, разделяемые с другими. Семейный рецепт может напоминать о человеке, которого уже нет. Праздничная песня — о поколении, которое пело ее раньше. Памятник в центре города сообщает, чье имя общество считает достойным публичного присутствия. Важно и то, кого памятник не называет.

Коллективная память не означает, что все помнят одинаково. Внутри одной страны, города или семьи могут сосуществовать разные версии прошлого. Один праздник для одних означает освобождение, для других — утрату; одна и та же статуя может восприниматься как знак общей истории или как напоминание о несправедливости. Спор о символе часто оказывается спором не только о прошлом, но и о том, кто

имеет право говорить от имени сообщества.

Память передается не одной только речью. Ее удерживают рассказы, памятники, школьные уроки, семейные фотографии, календарь выходных и привычки, которые никто уже не объясняет. Иногда человек не знает, откуда взялась традиция «предлагать добавку еще раз», но знает, что так поступали бабушка и мать. В этом смысле память бывает телесной: она хранится в том, как накрывают на стол, как встречают гостя, когда встают во время песни.

Память избирательна. Она сохраняет одни события и отодвигает другие; одни голоса делает слышными, другие — почти неслышными. Поэтому культура не только передает наследие, но и решает, что считать наследием. Разговор об обычаях всегда может стать разговором о власти: кто устанавливает норму, чьи привычки называют «естественными», а чьи — «странными» или «неуместными».

Как код усваивают, оспаривают и меняют

Человек входит в культуру постепенно. Сначала он видит, как поступают другие. Затем пробует сам, получает одобрение или замечание, учится замечать тонкие сигналы. Позже он может объяснить правило словами — или понять, что не умеет сформулировать его, хотя безошибочно чувствует, когда оно нарушено.

Код передается не только в семье. Его преподают школа, работа, религиозные общины, телевидение, кино и социальные сети. В каждой среде есть собственные маленькие

инструкции: нужно ли включать камеру на видеовстрече, уместны ли сообщения поздно вечером, считается ли прочитанное без ответа невежливостью. Три точки в конце фразы могут показаться одному человеку нейтральными, другому — тревожными, а третьему — пассивно-агрессивными. Цифровая жизнь не отменила культурные знаки: она добавила к ним уведомления, эмодзи, статусы «в сети» и молчание, которое теперь тоже можно измерить минутами.

Нормы меняются, когда меняются обстоятельства и участники. Иногда перемена приходит через практическую необходимость; иногда — через протест тех, кому старое правило причиняло вред. Люди оспаривают привычный порядок словами, отказом участвовать, созданием нового ритуала. А порой перемены начинаются с маленького вопроса: «Почему мы всегда делаем именно так?» Такой вопрос не уничтожает традицию. Он помогает отличить смысл, который хочется сохранить, от формы, которую можно пересмотреть.

Важно помнить и о масштабе. Культура — не один код на целую страну. У человека есть семейные, профессиональные, поколенческие, региональные и цифровые привычки; иногда они поддерживают друг друга, иногда вступают в конфликт. Один и тот же человек может придерживаться строгого порядка на работе и свободного за столом дома, говорить на языке родителей и пользоваться иными выражениями с друзьями. Культура не сидит внутри человека как готовая программа. Она складывается в отношениях и меняется

вместе с ними.

Четыре вопроса к невидимому коду

Когда поступок кажется странным, обидным или «само собой разумеющимся», полезно ненадолго отложить оценку и пройти четыре шага.

1. Какой знак использован?

Это слово, жест, предмет, пауза, порядок действий, одежда или отсутствие ответа? В сцене за столом знаками были и предложение добавки, и отказ, и рука с половником.

2. Какое значение ему приписали?

Что хотел сообщить человек — и что услышал другой? Не предполагайте, что намерение и восприятие совпали. Лучше уточнить: «Ты действительно не хочешь или отказываешься из вежливости?» — и самому объяснить, что имелось в виду.

3. Какая норма за ним стоит?

Как, по мнению участников, должен поступить «хороший гость» или «внимательный хозяин»? Одному важно принять отказ сразу, другому — не позволить гостю почувствовать недостаток заботы. Конфликтуют не обязательно характеры; могут конфликтовать правила.

4. Какую память поддерживает этот знак?

Связан ли он с семейным рассказом, привычным образом гостеприимства, праздником, религиозным обычаем, опытом прежних поколений? Кто чувствует себя включенным в эту память, а кто — посторонним?

Эти вопросы полезны не только при межкультурных недо-

разумениях. Попробуйте в течение дня заметить один привычный эпизод: как люди занимают очередь, здороваются в лифте, заканчивают разговор или выбирают место за столом. Сначала опишите только наблюдаемое — без слов «невежливо» и «странно». Затем спросите себя, какое правило вы ожидали увидеть и откуда оно вам знакомо. Если возможно, расспросите другого участника. Его объяснение может не совпасть с вашим — и именно в этом расхождении становится видна работа культурного кода.

Вернемся к тарелке супа. Теперь мы видим не просто отказ и не просто щедрость, а встречу двух правил, двух способов проявить уважение и, возможно, двух семейных историй. Решение не обязано состоять в том, чтобы угадать «правильный» ответ. Иногда достаточно добавить к предложению ясность: «Я правда буду рад угостить, но только если тебе хочется». А гостю — уточнить: «Спасибо, мне было очень вкусно; я отказываюсь не из вежливости, просто уже сыт».

Культура помогает людям координировать жизнь, передавать опыт и узнавать своих. Но она не диктует единственный сценарий и не отменяет разговора. Ее код можно прочитать, обсудить и изменить. Начать стоит с простого внимания: заметить знак, услышать значение, распознать норму и спросить, какую память она несет.

До письменности: жест, ритуал и первые рисунки

Представьте, что вы стоите в пещере, куда не проникает дневной свет. В узком луче фонаря проступает стена: охристое пятно, очертание животного, несколько линий. Чуть поодаль — отпечаток человеческой ладони. Не рука, нарисованная со стороны, а след руки, приложенной к камню. Кто-то когда-то поднёс к ней пигмент — или, наоборот, обвёл её цветом — и оставил знак, переживший тысячи поколений.

Мы не знаем, кто это был. Не знаем, пришёл ли он один. Не знаем, хотел ли он сказать: «Я здесь», «Это наша пещера», «Смотрите, что мы видели» — или не собирался сообщать ничего подобного. Зато мы можем начать расследование с того, что действительно находится перед нами: с пигмента, камня и следа человеческого действия.

Это важный порядок. Сначала — то, что можно наблюдать. Затем — осторожные предположения. И лишь после — вопросы, на которые пока нет ответа.

След на камне

Некоторые древние изображения кажутся почти современными: животное словно движется, его тело передано несколькими уверенными линиями. Но слово «рисунок» может невольно нас обмануть. Мы привыкли считать изображе-

ние самостоятельным предметом — картиной, которую можно повесить в музее. Для человека, оставившего знак в глубине пещеры, изображение могло быть частью другого действия: встречи, рассказа, обряда, обучения или обращения к месту.

Слово «искусство» тоже не всегда помогает. Оно предполагает, что есть отдельная область жизни, предназначенная для прекрасного или выразительного. В древнем сообществе изображение могло не отделяться от охоты, памяти, верований и повседневного труда. Оно могло быть одновременно узором, знаком, рассказом и способом участвовать в общем деле. Но даже это — версии, а не расшифровка.

Человеческая способность оставлять осмысленные следы намного старше письменности. В Южной Африке, в пещере Бломбос, найдены куски охры с намеренными геометрическими насечками возрастом около ста тысяч лет. Такие линии не складываются в письмо: мы не знаем, что именно они означали. Но они показывают, что люди не просто пользовались цветным камнем как материалом. Они наносили на него повторяющиеся узоры, то есть превращали поверхность в носитель знака.

В пещерах Сулавеси обнаружены изображения животных, возраст некоторых из них оценивается как минимум в 45 500 лет. Датировка относится к минеральным отложениям над изображением и задаёт нижнюю границу его возраста, а не точный день, когда художник провёл линию. Такие оговорки

могут показаться мелочами, но именно из них складывается честное знание о прошлом. Археолог не видит древнего события напрямую. Он исследует сохранившиеся следы и проверяет, какие выводы эти следы позволяют сделать.

Мир без бумаги и без тишины

Отсутствие письменности не означает отсутствия сложной культуры. До появления букв люди договаривались, спорили, учили детей, помнили родственные связи и передавали сведения о животных, растениях, погоде и маршрутах. Их память не была менее развитой только потому, что её нельзя было перелистнуть.

Она жила в телах и отношениях. Опытный мастер мог показать, под каким углом ударить по камню, чтобы получить острый край. Знание о съедобном корне передавалось не только названием, но и маршрутом к месту, временем сбора, жестом, которым показывали нужное растение. Ребёнок узнавал, как держать оружие, наблюдая за движением взрослого и повторяя его. Ошибался, получал поправку — иногда словом, иногда прикосновением руки к локтю или коротким кивком.

Жест — не бедная замена речи. Это самостоятельный способ координации. Указующий палец помогает разделить внимание: теперь мы оба смотрим туда. Поворот головы, выражение лица и движение тела могут предупредить об опасности быстрее длинного объяснения. Подражание позволяет усваивать действия ещё до того, как ученик способен сфор-

мулировать правило.

Попробуйте мысленно представить группу, которая переносит тяжёлый предмет по неровной тропе. Чтобы не уронить ношу, люди подстраивают шаг друг к другу. Кто-то замедляется, кто-то подаёт сигнал, остальные отвечают движением. Здесь есть общий ритм, распределение ролей и ожидание реакции. Не требуется письменная инструкция, чтобы выполнить сложное действие. Требуется доверие, наблюдение и достаточное количество совместных повторений.

Повторение, в свою очередь, создаёт основу ритуала. Но здесь важно не торопиться с выводами. Археологи часто видят регулярность: предметы положены определённым образом, действия, возможно, повторялись, место использовалось не случайно. Однако по одному расположению костей или пигмента нельзя всегда отличить обряд от практической привычки. Погребение может свидетельствовать о специальном отношении к умершему, но его точное значение нам недоступно. Повторяющееся действие может быть обрядом, способом обучения или просто эффективным приёмом.

Ритуал полезно понимать не как непременно таинственное представление, а как действие, которое сообщество повторяет и наделяет общим значением. Совместная песня, подготовка к охоте, возвращение к месту встречи — всё это могло укреплять связи и подтверждать порядок группы. Ритм помогал двигаться вместе; повторяемая последовательность помогала помнить, что делать дальше. Культур-

ная память могла передаваться не только в рассказе, но и в самом действии.

Как читать свидетельство

Вернёмся к стене. Допустим, мы видим охристый отпечаток ладони и рядом — изображение животного. Какие выводы допустимы? Удобно разделить их на три уровня.

Что видно

Что можно предположить

Чего мы пока не знаем

На камне сохранился пигментный отпечаток, похожий на человеческую ладонь.

Рука была приложена к поверхности или использована как шаблон; пигмент нанесли намеренно.

Кто оставил след, сколько ему было лет и какое значение он ему придавал.

Рядом находится изображение животного.

Люди обращали внимание на это животное; его образ мог быть важен для обитателей местности.

Был ли это рассказ об охоте, символ рода, мифологический персонаж, учебное изображение или нечто иное.

Следы находятся в глубокой части пещеры.

До места нужно было добраться; его могли посещать не

так, как обычное открытое пространство.

Попадали ли туда многие люди, как часто они приходили и происходили ли там обряды.

Пигмент имеет определённый состав, а рядом найдены следы других действий.

Можно исследовать источник материала и сопоставить изображение с другими слоями и находками.

Сохранилось ли всё, что происходило: органические материалы, жесты и слова почти не оставляют следа.

Таблица не уменьшает загадку — она помогает увидеть её форму. Отпечаток ладони доказывает контакт человека со стеной, но не раскрывает его мотив. Изображение животного говорит, что кто-то создал узнаваемый образ, но не объясняет, был ли этот образ связан с пищей, опасностью, памятью или верой.

Даже кажущиеся очевидными детали нуждаются в проверке. Если у отпечатка не хватает одного пальца, нельзя сразу объявлять это знаком особого положения или тайным языком. Палец мог быть согнут, скрыт, повреждён, а пигмент мог лечь неравномерно. Возможно и то, что перед нами намеренный жест. Но между «возможно» и «так и было» лежит большая дистанция.

Чтобы сократить её, археологи исследуют контекст. Они устанавливают, каким способом нанесён пигмент, сравнива-

ют его состав с местными минералами, анализируют слои отложений, датируют подходящие для этого материалы. Иногда рядом обнаруживаются остатки очага или орудия. Всё это помогает восстановить условия, в которых возникло изображение. Но даже самая точная дата не отвечает на вопрос: что чувствовал человек, когда прикладывал ладонь к камню?

Пещера — не открытая книга

Археологическое исследование осложняет сама сохранность следов. Пещерные стены могут пережить то, что исчезнет на открытом воздухе. Дерево, кожа, листья, следы ног и звуки не сохраняются так же надёжно, как минеральный пигмент на защищённой поверхности. Поэтому древняя культура, которую мы видим сегодня, — не полный портрет жизни, а её уцелевший фрагмент.

И пещерные изображения — не обязательно ежедневная практика. Пещера может быть особым местом, но может быть и просто подходящей поверхностью; иногда мы не способны установить, какое объяснение верно. Одни люди могли оставлять знаки у входа, другие — в труднодоступных залах. Глубокое расположение требует пути и света, однако само по себе не доказывает, что там совершался религиозный обряд. Оно доказывает прежде всего, что кто-то туда добрался.

Есть и другая трудность: мы смотрим на древнее изображение глазами людей, привыкших к музеям, книгам и экранам. Мы автоматически спрашиваем: «Что художник хотел

выразить?» Но для создателя изображения граница между картинкой, действием и местом могла быть устроена иначе. Может быть, важным было не только то, что нарисовано, но и то, где это сделано, кто присутствовал и что происходило вокруг.

Изображение могло помогать удерживать в памяти значимое животное или событие. Оно могло отмечать место, к которому возвращались. Могло стать частью рассказа, который оживал в присутствии слушателей. Могло быть связано с обрядом или групповым знаком. Ни одна из этих версий не должна заранее становиться единственной. Одна стена могла служить разным целям для разных людей и в разные времена.

Упражнение: отделить след от догадки

Это способ читать не только древние изображения, но и любые исторические источники.

1. Найдите изображение с понятным контекстом. Это может быть фотография археологической находки или музейный предмет с подписью.

2. Запишите только наблюдаемое. Например: «на камне видны две пересекающиеся линии; поверхность красноватая; края отметин неровные».

3. Отдельно перечислите гипотезы. Например: «линии могли быть нанесены намеренно; предмет, возможно, использовали многократно».

4. Спросите, каких данных не хватает. Кто нашёл

предмет? Где он лежал? Можно ли определить его возраст? Сохранились ли следы пигмента?

5. Сформулируйте вывод с мерой уверенности. Не «это точно календарь», а «узор может быть знакомым сообществу, однако его назначение установить нельзя».

Для второго опыта можно на несколько минут договориться с другом передать простое сообщение без слов — например, показать, что пора остановиться и затем повернуть налево. Заметьте, какие движения сработали, где возникла путаница и как вы проверяли, что поняли друг друга. Такой эксперимент, конечно, ничего не доказывает о доисторической речи. Но он помогает ощутить, сколько смысла люди способны передать взглядом, позой, ритмом и общим знанием ситуации.

Память, которая жила между людьми

У письменности есть важное преимущество: она позволяет хранить сообщение вне человеческого тела. Но до письменности память не была пустым местом, ожидающим появления алфавита. Она распределялась между людьми, привычками, рассказами, местами и предметами. Одни знания закреплялись в навыках, другие — в повторяемых действиях, третьи — в изображениях, к которым можно было вернуться.

Такая память была прочной, но зависела от сообщества. Чтобы опыт пережил поколение, его нужно было передать: показать, повторить, рассказать, включить ученика в общее

дело. Изображение могло поддержать рассказ, но не обязательно заменяло его. Жест мог обозначить то, о чём говорили, но сам по себе не сообщал всего. Слова, движения и знаки, вероятно, не существовали изолированно: они помогали друг другу.

Вот почему древний отпечаток ладони так действует на воображение. Он кажется прямым приветствием сквозь время. И всё же наша осторожность должна быть сильнее желания услышать в нём готовое послание. Мы не можем утверждать, что древний человек оставил его именно для нас. Мы можем сказать другое: человек пришёл к этой стене, взаимодействовал с ней, оставил материальный след — и этот след оказался достаточно долговечным, чтобы мы сегодня задавали вопросы.

Культура началась не с первой страницы и не с первой буквы. Задолго до письма люди создавали общую память руками, голосами, повторяемыми действиями и образами. Археология позволяет приблизиться к этой памяти, если различать наблюдение и догадку. Стена не открывает нам все ответы. Но она показывает, что задолго до письменности люди уже умели превращать опыт в знак — и делить этот знак с другими.

Но изображение было лишь одной частью этой общей памяти. Знак обретал смысл рядом с жестом, голосом и действием — в повторяемом ритуале, рассказе, совместном переживании. Мы не всегда можем

восстановить, что именно значили древние образы, и не должны подменять неизвестное красивой догадкой. Но можем увидеть главное: люди уже создавали способы передавать опыт и узнавать в нём нечто общее.

След этой памяти сохранился на стенах и предметах; её живое продолжение — в словах, которые звучали и исчезали, чтобы снова возникнуть в рассказе или песне. Чтобы понять, как сообщества удерживали прошлое и объясняли мир до появления письма, нужно обратиться к устному слову — мифу, песне и передаче опыта от одного поколения к другому.

Мир устного слова: миф, песня и передача опыта

Ночь пахнет мокрой корой. За холмами гремит вода: сначала негромко, будто кто-то передвигает камни в темноте, потом всё ближе. У реки спорят. Одни предлагают перейти сейчас, пока брод ещё виден; другие хотят ждать рассвета. Тогда старуха берет в ладонь гладкий камешек и начинает петь:

Край намок — не вступай. Средний скрылся — отступай. Верхний скрылся — выше стань.

Люди подхватывают последнюю строку. Кто-то отбивает ритм пальцами по корзине. Девочка у костра смотрит на берег: вода уже закрыла нижнюю зарубку на большом камне.

Так могла бы начинаться история, которая помогает группе принять решение. Но важно уточнить: это **художественная реконструкция**, собирательная сцена, а не описание конкретного народа или известного исторического события. Она нужна, чтобы увидеть работу устного слова изнутри. Рассказ здесь не украшение ночи и не развлечение после спора. Это способ удержать знание, сделать его слышимым всем и вовремя применить.

Миф — не просто «неправда»

В повседневной речи словом «миф» часто называют вы-

думку, ошибочное убеждение или красивую легенду. История культуры пользуется им осторожнее. Миф — это рассказ, с помощью которого сообщество объясняет устройство мира, связывает настоящее с прошлым, обозначает важное и допустимое. Он может говорить о происхождении рек, об обязанностях людей друг перед другом, о том, почему нельзя нарушать определённый запрет или как следует встречать сезонные перемены.

Это не значит, что любой миф нужно считать буквальным отчетом о событии. Но и сводить его к «они придумали то, чего не понимали» — значит не заметить его работу. Миф способен быть одновременно картиной мира, нравственным ориентиром и опорой общности. Для его слушателей важен не только вопрос «произошло ли это именно так?», но и вопросы «что этот рассказ объясняет?» и «что он требует от нас сейчас?».

При этом нельзя провести одну границу, одинаково подходящую всем культурам: здесь «миф», там «история», дальше «религия». Эти категории часто принадлежат самим исследователям, а не тем людям, чьи рассказы они описывают. Устное повествование может хранить память о реальной опасности, включать сакральные образы и меняться при каждом исполнении — не переставая быть значимым.

Память с припевом

Вернёмся к камешку у ночного костра. Почему старуха поёт, а не просто перечисляет правила? Потому что ритм по-

могает сложному знанию не рассыпаться. В нём заметны границы фраз, повторы и порядок. Образ камня даёт рассказу зрительную опору. Припев позволяет присоединиться даже тому, кто не слышал начала.

Устная память не держится только на выдающихся способностях отдельного человека. Она распределена между множеством средств: ритмом, мелодией, повторяющимися выражениями, жестами, последовательностью действий, знакомым местом и присутствующими слушателями. Певец может поднять руку на нужной строке; слушатели — поправить сбившийся ритм; ребёнок — запомнить припев прежде, чем поймёт все слова.

Повтор здесь не пустое дублирование. Он создаёт «крючки», за которые цепляется следующая часть. Знакомая формула подсказывает, что будет дальше. Перечень из трёх шагов легче удержать, чем длинную инструкцию без внутреннего ритма. Но повтор помогает запомнить не только полезное: ошибочная или несправедливая мысль тоже может стать привычной. Лёгкость воспроизведения сама по себе не доказывает истинность.

Песня особенно хорошо показывает, что память — это не только содержание, но и исполнение. Где сделать паузу? Когда слушатели вступают? Как меняется голос на опасном месте? Одно дело — услышать, что переходить реку рискованно; другое — пережить рассказ вместе с теми, кто уже знает, где поднимается вода. В голосе передаётся не лишь инфор-

мация, но и её вес.

У этого способа есть своя история. В начале XX века исследователь Милман Пэрри, а позднее его ученик Альберт Лорд изучали исполнителей эпических песен на Балканах и сопоставляли их мастерство с традицией древнегреческого эпоса. Певцы не просто воспроизводили однажды выученный текст слово в слово. Они пользовались устойчивыми формулами, знакомыми сюжетными ходами и ритмическими схемами, создавая песню в исполнении. Исследования помогли понять, как такие выражения могли поддерживать создание и передачу длинных повествований, в том числе тех, что связаны с гомеровской традицией. Но сравнение не означает, будто удалось точно восстановить каждое обстоятельство рождения «Илиады» или «Одиссеи». Оно показывает принцип: традиция даёт певцу инструменты, а не обязательно готовую страницу, спрятанную в памяти.

Одна история — три голоса

А теперь проследим путь вымышленной истории о реке через три поколения. Пусть её называют рассказом о трёх зарубках. Это не реконструкция конкретного мифа, а пример того, как устная память может одновременно удерживать основу и менять её.

Сначала говорит старшая женщина. Она рассказывает о давнем переходе через брод. Люди торопились на другой берег, пока не стемнело. Один из взрослых хотел идти, но молодая девушка заметила, что вода дошла до нижней за-

рубки на прибрежном камне. Её слова не сразу приняли все-рьёз. Тогда старшая в группе напомнила о прежнем разливе: если вода скроет среднюю отметку, надо отступить на воз-вышенность; если исчезнет и верхняя — нельзя оставаться у берега. Люди переждали ночь, и поток унёс ветви, которыми они собирались отметить путь через реку.

В этой версии много конкретного: кто увидел знак, какой порядок действий соблюдать, где искать безопасное место. Старшая говорит медленно, как будто прокладывает маршру-т голосом. На строке про нижнюю зарубку слушатели по-вторяют припев.

Через годы историю рассказывает её дочь. Она то-же знает правило о трёх отметках, но иначе расставляет ак-центы. В её версии опасность замечает уже не одна девуш-ка, а несколько человек; взрослые прислушиваются к ним, и группа спасается потому, что действует сообща. Почему ме-няется центр рассказа? Возможно, дочь сама пережила вре-мя, когда семье пришлось распределять обязанности: одни следили за детьми, другие переносили припасы, третьи ис-кали сухое место. Теперь ей важно подчеркнуть не только наблюдательность, но и взаимную ответственность. Старый сюжет становится ответом на новый вопрос: как принимать решение, если знание у разных людей разное?

Её внучка рассказывает историю ещё позже, детям, которые редко уходят далеко от поселения. Она сохра-няет три зарубки и припев, но спрашивает: «Река сама пре-

дупредила людей или девочка увидела, что вода поднимается?» В её рассказе появляется более подробное описание берега, и слушатели подсказывают, какие знаки замечают после дождей. Кто-то смеётся над упрямым путником; кто-то добавляет, что отступить — не всегда значит струсить. История перестаёт быть только памятью о спасении и становится разговором о внимании, сомнении и праве младшего подать голос.

Что осталось неизменным? Связь между наблюдением и решением; последовательность опасности; напоминание, что нельзя игнорировать признаки подъёма воды. Что изменилось? Герой, подробности и смысловой центр. Это не обязательно порча рассказа. Иногда новое исполнение возвращает в него то, чего прежде не слышали: опыт женщин, детей, людей, отвечающих за разные части общего дела. Но изменение не всегда улучшает память. Забыв, где именно расположена безопасная возвышенность, рассказчик может сохранить красивый припев и потерять практическую деталь. Устная традиция жива — а значит, она нуждается в внимании и проверке.

Не запись, а встреча

Устное повествование часто ошибочно представляют как слабую замену книге: будто люди без письма лишь пересказывают одно и то же, постепенно теряя точность. Это лестница с заранее придуманными ступенями. Устные и письменные культуры не образуют простого ряда от «неразвито-

го» к «развитому». Устное знание может быть очень сложным; письменность же не уничтожает песню, семейное предание или рассказ, передаваемый из поколения в поколение. И сегодня человек может читать инструкцию, обсуждать её вслух, запоминать припев и учиться у мастера, наблюдая за его руками.

Но у устной передачи есть особые возможности и уязвимости. Рассказчик видит слушателей и замечает, где они потеряли нить. Он может объяснить непонятное, ответить на вопрос, изменить темп. Слушатели не только принимают рассказ: они вступают в припев, повторяют отдельные строки, хранят разные версии. Знание поддерживается не одним носителем, а связью между людьми.

Эта связь может работать как коллективная проверка. Если рассказчик перепутал важный порядок, другие подскажут. Если появилась новая опасность, опытный человек может добавить предупреждение. Но общая память не становится автоматически беспристрастной. Группа может отвергать неудобные свидетельства, забывать голоса тех, кому не давали выступать, или поддерживать версию, выгодную сильным. Повторяемость помогает сохранять — и одновременно закрепляет отбор.

Письмо меняет ситуацию по-своему. Оно способно удержать конкретную формулировку независимо от того, присутствуют ли слушатели, а также позволяет сравнивать тексты через время и расстояние. Но книга не отвечает на вопрос

читателя сама по себе и не показывает, каким тоном, жестом или обстоятельством сопровождалось её появление. Запись тоже не охватывает всего исполнения: голос на странице — уже не голос у костра. Разные способы памяти не отменяют друг друга; каждый сохраняет одни стороны опыта лучше других.

Как передать историю так, чтобы она жила

Попробуйте небольшое упражнение. Выберите историю, которую действительно хотите передать: например, как в семье принято встречать гостя, какой урок усвоили после ошибки или по каким приметам проверяют готовность к дороге. Не берите критически важную инструкцию по безопасности — её лучше дополнительно зафиксировать и сверить с надёжным источником.

1. Сформулируйте сердцевину. Запишите одним предложением, что должно сохраниться в любом пересказе: не обязательно точные слова, но основной смысл.

2. Разделите рассказ на три опорных шага. Например: возникла трудность, кто-то заметил важный знак, группа приняла решение.

3. Найдите звучащую опору. Это может быть короткая повторяющаяся фраза, ритм или вопрос, на который слушатели ответят вместе. Формула должна помогать памяти, а не маскировать отсутствие смысла.

4. Расскажите вслух. Спросите слушателя не только «что ты запомнил?», но и «что ты понял иначе?» Затем по-

просите его пересказать историю другому человеку.

5. Сравните версии. Отметьте, что сохранилось, что исчезло и какие новые детали появились. Решите, где вариативность полезна, а где без уточнения потеряется важное знание.

Это упражнение показывает, почему устную традицию нельзя свести к механическому повторению. Чтобы передать рассказ, недостаточно выучить слова. Нужно выбрать опоры, найти подходящий момент и принять участие слушателей. А чтобы передать опыт, важно различать то, что может меняться, и то, что нельзя терять.

История о трёх зарубках могла бы звучать снова после каждого большого дождя. Сначала её пели бы, чтобы напомнить о переправе; потом — чтобы научить детей замечать перемены; со временем — чтобы вместе решить, как жить рядом с водой. Когда люди начинают регулярно наблюдать за сезонами, распределять работу и договариваться о повторяющихся действиях, память связывается с календарём, местом и общим обрядом. Так голос ведёт нас к следующему повороту культурной истории.

Устное слово — не книга, которую забыли изготовить. Это знание, которое каждый раз должно пройти путь от голоса к слуху, от одного опыта к другому. Ритм помогает ему удержаться; повторение — вернуться; исполнение — стать общим событием. История меняется, пока люди продолжают её рассказывать. И в этом её сила, но и её ответственность:

каждый голос не просто несёт память — он решает, какой памятью станет следующая встреча.

Земледелие и священное: оседлая жизнь, календарь и общие обряды

Перед рассветом земля ещё держит ночную прохладу. На краю поля несколько человек разламывают сухой комок и растирают его между пальцами. Дождя не было давно. Если бросить семена сейчас, они могут пролежать в земле мёртвым обещанием. Если ждать ещё, не хватит времени, чтобы зерно вызрело до жары. Старшие спорят, молодые смотрят на небо. Наконец кто-то замечает: над дальним хребтом собрались тучи. Это ещё не дождь — только знак, которому хочется поверить.

Так начинается не просто сезон посева, а новая форма жизни. Там, где люди выращивают пищу, будущее перестаёт быть далёкой догадкой: оно становится делом, которое нужно начать вовремя. Семя, закопанное сегодня, обещает хлеб через месяцы. Но обещание зависит от погоды, почвы, труда соседей и того, сумеет ли община сохранить запас до следующего урожая.

Представим такую общину — не конкретное древнее поселение, а собирательный образ людей, чья жизнь связана с выращиванием зерна. У них нет единого календаря для всего человечества. Есть местные признаки: влажность земли, поведение птиц, течение ручья, положение звёзд, привычный

срок возвращения дождей. Они учатся замечать повторения — и вместе с ними учатся ждать.

Время, которое нужно согласовать

Земледелие возникало не в один момент и не одинаково повсюду. В разных частях света люди постепенно начали выращивать и одомашнивать разные растения: злаки в Юго-Западной Азии, рис в Восточной Азии, кукурузу в Мезоамерике, клубнеплоды в других регионах. Эти перемены растянулись на тысячелетия. Где-то оседлая жизнь предшествовала земледелию: например, в Леванте общины натуфийской культуры строили долговременные поселения ещё до полного перехода к выращиванию домашних злаков. Где-то люди сочетали поля, охоту, собирательство и сезонные перемещения.

Поэтому земледелие лучше представлять не как внезапную лестницу «дикость — цивилизация», а как множество местных решений. Люди не просто открыли, что семена дают растения. Они меняли способы добывать пищу, приспосабливались к новым условиям, экспериментировали и иногда возвращались к прежним практикам. Но там, где поля стали важной частью хозяйства, возникла задача, незнакомая в прежнем масштабе: как согласовать жизнь многих людей с циклом, который никто не контролирует полностью?

Для посева нужны семена, оставленные с прошлого урожая. Для сбора — достаточно рук в короткий срок. Для хранения — сухое место, защита от грызунов и правила, опре-

деляющие, кто может взять зерно и когда. Земледельческий труд распределён во времени неравномерно: долгое ожидание сменяется несколькими неделями напряжённой работы. Если соседи сеют в разные сроки, строят каналы каждый для себя или убирают урожай без взаимной помощи, община может потерять больше, чем один человек способен восполнить.

Так возникает календарь — сначала не таблица и не набор дат, а общественный навык помнить, что за чем следует. Он живёт в поговорках, песнях, приметах и повторяемых делах. «После цветения кустарника готовь борону» — это не отвлечённая мудрость, а инструкция, передаваемая голосом. В такой памяти сохраняется опыт многих поколений: когда земля обычно размягчается, в какой срок налетают вредители, сколько недель требуется зерну, чтобы созреть.

Но календарь не отменяет неопределённость. Он помогает не забыть, что нужно сделать, и подготовиться к возможному риску. Точный срок дождя не известен; известно лишь, что без дождя нельзя ждать урожая. Календарь здесь похож на карту реки: он показывает русло, но не обещает, что вода каждый год пойдёт с одинаковой силой.

Год одной общины

Ниже — условный год земледельческой общины. В другом климате сезоны, культуры и обряды будут иными. Важно не совпадение названий, а связка: природный знак, общий труд, возможная потеря и способ придать переходу смысл.

Пора года

Работа и наблюдения

Риск

Общий обряд или действие

Перед посевом

Проверяют семена, очищают поле, чинят орудия, следят за влажностью почвы

Дождь может запоздать; семена — испортиться или не взойти

Общая подготовка поля, просьба о благоприятном сезоне, благословение семян

Посев и начало роста

Сеют, поддерживают канавы, отпугивают птиц, наблюдают за всходами

Засуха, смыв семян ливнем, повреждение молодых растений

Отмечают первый посев или первые всходы; совместная трапеза

Созревание

Охраняют поле, убирают сорняки, следят за зрелостью колосьев

Град, вредители, болезни растений, внезапная жара

Договорённость о сроке жатвы; иногда — общее воздержание от раннего сбора

Жатва и хранение

Срезают урожай, сушат, обмолачивают, распределяют и закладывают запасы

Потеря урожая из-за погоды, порча зерна, спор о долях

Праздник первого урожая, благодарственная трапеза, обряд закрытия хранилища

Межсезонье

Ремонтируют жилища и орудия, считают запасы, вспоминают прошлый год

Запасов может не хватить до нового сезона

Истории о предках и прежних голодных годах, обмен дарами, согласование будущих работ

Такая таблица выглядит как план работ, но для общины это ещё и схема взаимных обязательств. Если все знают, когда начинается жатва, можно заранее договориться, кто поможет пожилым соседям и кому достанутся первые корзины зерна. Если все видят, как закрывают общий амбар, становится понятнее, какие правила действуют для запаса. Календарь соединяет природное время с человеческим: дождь сам по себе не знает, кому принадлежит поле, но сроки дождя влияют на то, кто успеет его засеять.

Постепенно циклические наблюдения могли связываться с движением Луны, Солнца и звёзд. Небесные тела заметны далеко и не требуют идти к границе соседского участка; они дают повторяемые ориентиры. Однако для повседневной работы небо — только часть календаря. Земледельцы могли соотносить небесные явления с тем, что происходит в почве, воде и растениях. Практическое знание редко существовало в виде чистой астрономии, отделённой от хозяйства: оно было вплетено в знакомство с конкретным местом.

Обряд — не украшение труда

Когда община перед посевом собирается вместе, это не обязательно означает, что люди просто пытаются «заставить дождь пойти». Такое объяснение слишком узко. Ритуал может выражать просьбу, благодарность, тревогу, память о предках и признание зависимости от сил, которые не подчиняются человеческому желанию. Он не сводится к неудачной версии научного прогноза. Это способ говорить о том, что важно, когда слова о риске и надежде нужно разделить со всеми.

Представим, что перед посевом семена выносят из общего хранилища. Старейшина называет тех, кто помогал собирать прошлый урожай; дети несут корзины; семьи получают свою долю. Несколько зёрен кладут в землю отдельно — не ради измеримого урожая, а как знак начала сезона. В этом действии сразу несколько смыслов: семена проверяют и распределяют, участие становится видимым, а будущий труд полу-

чает общую точку отсчёта.

Праздник первого урожая тоже не только «развлечение после работы». Он может напоминать, что пища не появляется сама собой, подтверждать договорённости о распределении и позволять людям после напряжённого труда поесть вместе. В некоторых обществах подобные собрания связывают живых с предками, которые оставили поля, тропы, знания и правила наследования. Место приобретает историю: оно не просто участок плодородной земли, а пространство, где трудились и были похоронены близкие.

Обряды помогают общине действовать согласованно, но не всегда делают всех равными. Само участие может быть общим, а право говорить или распоряжаться урожаем — распределяться неравномерно. Кто объявляет начало жатвы? Кто хранит ключ от амбара? Чьё слово решает, сколько зерна оставить на семена, а сколько отдать на пир? Священное способно укреплять взаимопомощь и одновременно придавать авторитет тем, кто толкует традицию.

Запас, собственность и цена оседлости

Хранилище меняет значение пищи. Собранное зерно можно съесть сразу, а можно сохранить, посчитать и передать. Запас позволяет пережить неурожай, поддержать людей, которые не могут работать, и организовать крупные общие дела. Но запас также нужно охранять. Появляются новые вопросы: чей это урожай, кто имеет доступ к кладовой, какой объём должен остаться для посева, что считать дол-

гом?

Оседлость не создала собственность одним ударом. В разных общинах права на землю и пищу могли быть сложными: семья имела право обрабатывать участок, группа — пользоваться пастбищем или источником воды, а запас хранился совместно. Такие права не обязательно похожи на современную частную собственность. Но долговременная связь с домом, полем и хранилищем усиливала значение границ и преемственности. Земля становилась тем, что можно передать, оспорить, защитить и связать с именем предка.

Оседлая жизнь приносила новые возможности и новые уязвимости. Постоянные поселения могли поддерживать рост населения и накопление знаний, расширять обмен и облегчать совместные работы. Одновременно люди, живущие теснее и круглый год, чаще сталкивались с отходами, инфекциями и зависимостью от ограниченного набора культур. Более предсказуемое производство не всегда означало более разнообразное питание или меньший труд. Поле давало урожай, но требовало ухода; запас спасал от голода, но делал утрату запасов особенно опасной.

Неравенство тоже не возникало везде одинаково. Там, где кому-то удавалось контролировать плодородные участки, воду, труд других людей или распределение зерна, временное преимущество могло становиться устойчивой властью. Однако нельзя объявить земледелие единственной причиной социального расслоения. Истории разных регионов по-

казывают разные сочетания общинного управления, семейных прав, обмена и принуждения. Важен сам новый масштаб вопроса: если пищу можно хранить, то её можно не только делить, но и удерживать.

В этом смысле священное тоже не просто отражает сезон. Оно помогает объяснять, почему одни имеют право на землю, кто отвечает за общий ритуал и каким должен быть справедливый обмен. Но оно может и напоминать о пределах власти: правитель, жрец или глава семьи не вызывает дождь по приказу. Даже самые влиятельные люди зависят от тех же колебаний погоды и от труда множества рук.

Практика: прочитайте свой календарь

Попробуйте на несколько минут стать наблюдателем собственного времени.

1. Запишите пять сезонных перемен, которые заметны рядом с вами: первый заморозок, возвращение определённых птиц, цветение дерева, начало дождей, повышение уровня реки.

2. Рядом отметьте, какие действия они запускают: смену одежды, ремонт дома, посадку растений, поездки, уборку урожая или начало учебного года.

3. Найдите повторяемый общий момент: праздник, семейную встречу, уборку двора, субботний рынок, ежегодное посещение родных.

4. Спросите себя, кто участвует в этом действии и кто принимает решение о его сроке. Кому оно помогает, а для кого

становится обязанностью?

5. Наконец, подумайте, что в вашем календаре измеряется официально, а что хранится в привычке, рассказах и наблюдениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.